

Карлен Даллакян

Космические файлы



Карлен Ашотович Даллакян

Космические файлы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17711612

ISBN 9785447422868

Аннотация

Вашему вниманию предлагаются сказки, сказы, эссе Карлена Даллакяна, который, будучи доктором философии, профессором и прочее, и прочее, постарался побеседовать с Вами на причудливо сказочном языке детства. Ведь весь наш мир – одно единое обыкновенное Чудо!

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Сила слова | 5 |
| Крысиное сердце | 13 |
| Необычная охота | 19 |
| Маэстро | 31 |
| Сон | 41 |
| Одинокий клоун | 47 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 52 |

Космические файлы

Карлен Ашотович

Даллакян

© Карлен Ашотович Даллакян, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сила слова

В триодиннадцатом царстве тридевятом государстве продолжал жить-поживать всеизвестный Иванушка-Дурачок. И все у него было для счастья, да что-то покоя все же не давало. Лежит, бывало, на печи и думает, почему это люди его дураком зовут. Вроде не глупее других. И из всех историй выкручивался, и принцессы добился да еще полцарства в придачу, и заморских королевичей перехитрил, и нечистую силу не побоялся. А они все дураком да дураком обзывают. И так Иванушке грустно стало, хоть в петлю лезь. Обидно и все тут. Мается парень, места себе не находит.

«Нет, – думает Иван, – так задаром пропадать, докажу-ка я всему свету, что и у меня под шапкой не солома, а какие-никакие, да мозги имеются. Еще посмотрим, кто из нас в дураках ходить будет!» И решил Иванушка учиться, учиться и учиться, как завещала ему покойная бабушка Фекла Пирмидонтовна. Сказано – сделано. Оседлал Ваня коня и в путь-дорогу. Прямиком в страны дальние, города заморские. Диковинные науки постигать.

Долго ли он странствовал по белу свету, коротко ли, одному лишь Богу известно. Зато знаний он приобрел огромное множество. И всякие там царские и королевские грамоты, и мудреные степени и звания. Словом, стал настоящим ученым мужем, признанным в этих самых заморских и за-

горских странах. «Все, – думает Иван, – пора домой возвращаться. Все хорошо в меру, а то чего доброго, помру здесь, на чужбине, и ни одна собака дома не узнает, чего их Дурачок добился». И пустился Иванушка в путь на родину-матушку.

Плывет морем, пробирается через пустыни, взбирается на горы. Все ему нипочем. Мысль о родной стороне согревает ему душу, наполняя необходимой победоносной энергией. Вот уже осталось пройти последний лес. Радостно, без тени сомнений вступил Иван под его сень. Лес вроде ничем особенным не отличался. Только почему-то жутковато стало у Ивана на сердце. Никак не мог он объяснить возникшее вдруг беспокойство. Стал он озиаться по сторонам. Глядь, а невдалеке старушка сидит на пенечке. Сидит себе да семечки щелкает. «Что-то тут нечисто, – подумал Ваня, – откуда взялась старухе в глухом ночном лесу. Сидит – то как по-хозяйски, не торопится, не суетится». Но виду Иван не подал. Подошел и весело поздоровался. «Здравствуй сто лет, бабуля. Али заблудилась в лесу?» – спрашивает он.

– Здравствуй Иванушка-Дурачок, – отвечает старуха. – Спасибо на добром слове, да только не одну уж сотню лет прожила я и помирать пока не собираюсь. А заблудиться мне мудрено. Живу я тут, понимаешь?

Ничего Иван не понимал. Как это можно жить в глухом лесу без тропок, без дорог, да еще без избы? Но больше всего его обидело обращение старухи.

– А откуда ты знаешь, что я – Иван? Да к тому же еще и дураком обозвала. А я, между прочим, ученый человек. Меня вся заграница знает и уважает. Одних только королевских грамот и наград у меня полна сума. – И он полез в перекинутую через плечо сумку, чтобы документально подтвердить свои слова, но старуха его резко остановила:

– Ты, Иван, сколько ни учись, а все равно для народа всегда дураком останешься, – жестко срезала она паренька.

У Иванушки от такой наглости даже челюсть отвисла.

– Почему это? – спросил он, заикаясь.

– Добрый ты слишком, вот все и зовут тебя дураком.

– А разве доброта – это глупость? – задумчиво произнес заметно погрустневший Иванушка.

– Конечно, глупость. Подумай сам, ты всем помогаешь, всех жалеешь, всем веришь, а люди тебя обманывают, обирают. Пользуются твоей добротой и тебя еще и дураком считают.

– Так кто же из нас в таком случае дурак?

– Ты, конечно, – безапелляционно заявила старуха. – Ты же отдаешь им себя, а они пользуются тобой, ничего не отдавая взамен.

– Неправда. Мне всегда и звери, и люди помогали. Поэтому-то я и из всех приключений выкрутился.

– Да это только в сказках ты выкрутился. Думаешь, я не знаю, как тебе на самом деле несладко приходится. И победы твои часто приукрашивают, чтобы другие дураки тоже

добрыми были. А сами норовят их обмануть.

– Ну, и что ты советуешь?

– Стань, наконец, мужчиной. Будь жестким, а если понадобится, и жестоким. Увидишь, как люди тебя зауважают. Уж лучше быть палачом, чем клоуном!

Последние слова больно ранили молодого человека. Он даже отвернулся от старухи. Но когда захотел ей возразить, та исчезла. Всю оставшуюся часть дороги Иван прошел, глубоко задумавшись о своей жизни. Слова старухи не давали ему покоя. Они породили на свет червя сомнения, беспощадно грызшего его душу. И чем больше думал бедный Иванушка, тем скорее рос этот червь, безудержно стремясь превратиться во всепожирающего властолюбивого змея.

Дома встретили Ивана радостно, с хлебом и солью. Окружающие не заметили бурю, бушующую в душе их безобидного Вани.

– Вань, а, Вань, сходи-ка за водой! – кричал один.

– Ванька, сбегай за дровами, – командовал другой.

– Да ты что, оглох, что ли, – недоумевал третий.

Вдруг, посмотрев на Ивана, все обомлели. Из-под накупившихся бровей сверкали холодные, жестокие глаза. Вынести такой взгляд было трудно. Почти все присутствующие одновременно, словно сговорившись, потупили взор. Кто отвернулся, а кто и вовсе вышел прочь из избы.

Ни слова не проронил Иван, показывая лишь одним своим взглядом превосходство над окружающими. Шло время.

Очень скоро народ понял, кто хозяин в деревне, да и во всем государстве. Говорят, что сам царь начинал заикаться, когда Иван глядел на него в упор. Спустя год Иван перебрался во дворец, и все слуги спрашивали у него разрешения на выполнение приказов царя. Впрочем, и приказы эти готовил сам Иван. Теперь никто не смел называть его дураком. Правда, один было забылся, да его быстренько повесили. Чтоб другим неповадно было.

Слухи об уме Ивана поползли по всему белу свету. Живет, говорят, в триодиннадцатом царстве тридевятнадцатом государстве Иван Мудрец, все проблемы ему нипочем. Шибко умный потому что.

Как-то пришел к Ивану на аудиенцию старик, весь в белом одеянии. Седой, с длинной бородой и почти до плеч выющимися белыми, как снег, волосами. Лишь посмотрел он на Ивана своими необыкновенно лучезарными и немного грустными глазами, как тот все понял. Ошибки быть не могло. Перед ним стоял великий заморский мудрец, которого называли Учитель мира.

– Да ниспошлет Всевышний долгие годы здравствования всеуважаемому Ивану Жестокому, – начал он удивительно приятным, даже молодежью голосом.

– Здравствуйте и Вы, Учитель, – почтительно ответил Иван, впервые за многие годы, как ему показалось не совсем уверенно.

– Ты думаешь, что имеешь право называть меня своим

Учителем? А может, скорее, стоит назвать тебя учеником лесной старухи, обитающей у поганого болота?

Сомнения Ивана окончательно рассеялись. Учитель все знал. «Ну, и что, – думал он, – пусть знает. Зато теперь никто не называет меня дураком. Все уважают, слушаются».

– Уважают или боятся? – спросил Учитель, читая мысли горе-мудреца.

«Черт побери, я и забыл, что старик ясновидящий. Даже думать спокойно нельзя», – пожаловался себе расстроенный Иван.

– Думай вслух, – предложил старец. Тогда не запутаешься. Итак, Иван, ты счастлив?

– Нет, – ответил молодой человек.

– У тебя есть друзья, я имею в виду настоящих друзей, которым бы ты мог довериться?

– Нет.

– Тебя любят люди?

– Скорее всего, боятся, – сказал Иван задумчиво.

– Ну, а ты их?

– Теперь уже не знаю, – обреченно произнес Ваня.

– А зачем ты в таком случае живешь?

– Как зачем? Все живут, и я живу – что я, хуже других?

– Ты должен стремиться быть лучше других. И помогать остальным стать лучше. А что ты делаешь? Видно знаний для мудрости недостаточно, если одна приболотная старуха перевернула всю твою жизнь.

– Но люди сами виноваты в моем превращении. Они ведь называли меня дураком, – пытался защититься Иван.

– Ну и что? Они тебя любили и дурачком называли любя. Дураком-то ты был в глазах никчемных, эгоистичных и жадных людей. Разве не называют они самых благородных и умных людей глупцами оттого, что не понимают мотивов их поведения? Или не могут подняться до их уровня. Ведь странность – это всегда то, что выше нормы. И не надо бояться быть таким в действительности. Есть два мира – материальный, который ты видишь, и духовный – невидимый. Ценности их порой не совпадают. Что осмеивают в первом, ценится и особенно важно во втором. Первый временен, второй же не подвластен ни времени, ни пространству.

– Но ведь говорят, что лучше быть палачом, чем клоуном, – пытался хоть что-то возразить Иван.

– Кто говорит? Такое может сказать лишь очень недалекий человек. Палач, сеющий смерть, жалок, в то время как клоун, дарящий смех, – велик. Запомни, друг мой. И да не будет никем другим тот, кто может быть самим собой!

С этими словами старец удалился. Говорят, после этого разговора Ивана словно подменили. Он понял в чем заключается истинная сила человека. Оставив дворец, он переехал обратно в избу, из которой часто доносился его заразительный смех. Да еще обрывки фраз вроде «сбегай за водой дурачок». И Ваня, надев на босу ногу валенки, радостно мчался стремглав к колодцу, где его поджидало очередное при-

ключение.

Ну, это уже совсем другая сказка...

Крысиное сердце

Жан долго не мог уснуть, мучая кровать беспрестанным ерзанием, напоминая скорее страдающего бессонницей пенсионера, нежели двенадцатилетнего мальчика. Открыв глаза, он увидел прямо перед собой звездное небо. Как ни странно, это его не удивило, хотя минуту назад на месте мерцающих светил красовался недавно побеленный потолок. Звезды весело мигали, словно переговариваясь друг с другом на неизвестном ему языке, а то и вовсе пускались в причудливый пляс, совершенно невероятным образом создающий небесную гармонию. Вдруг мальчик почувствовал, будто невидимые крылья поднимают его все выше и выше, пока он не оказался на твердой почве, напоминающей булыжную мостовую.

Не отдавая себе отчета в том, что с ним происходит, отрок смело направился в сторону огня.

Достигнув цели, он увидел перед собой огромные и, казалось, никогда не отпираемые двери. Напрасны были его попытки достучаться до хозяев. Засовы оставались запертыми. «Черт бы их побрал, – подумал Жан. – Неужто мне так и не удастся узнать, что скрывается за этими воротами».

Не успел он и подумать это, как двери, словно по мановению волшебной палочки, бесследно исчезли. Пока мальчик пытался понять, что произошло, раздался пронизывающий

до самых костей могильный голос:

– Зачем ты здесь, мальчик? Этот путь лишь для избранных героев, а не для детей.

– А разве дети не могут быть героями? – не растерявшись, спросил мальчик, удивляясь собственной храбрости.

– Хм... Возможно. Ведь храбрость не связана с возрастом. Но все равно, тебе еще рано стучать в незнакомые двери далекой страны. Все твои ровесники сладко спят и видят красивые сны. Последуй же и ты их примеру.

– А в какой я стране, если не секрет, уважаемый голос? – продолжал неугомонный паренек.

– Ты нравишься мне, отрок. Так и быть. Я открою тебе тайну. Но знай, что узнав правду, ты потеряешь возможность покинуть эту страну без моего разрешения. Подумай, мой дорогой.

Искушение было настолько великим, что справиться с ним двенадцатилетнему подростку было не под силу.

– Да, я согласен, – выпалил он. Все это казалось ему сном. Стоит лишь открыть глаза, думал Жан, как видение исчезнет. Тогда надо будет снова каждое утро тащиться а школу. А так хочется спать по утрам и нежиться в теплой постели.

– Говори же скорее. Где я и кто со мной разговаривает? – настаивал он. Но голос не спешил приоткрывать завесу таинственности.

– Одного лишь слова недостаточно, – сказал он коварно протяжным голосом. – В нашей стране имеет силу только

клятва, написанная кровью.

Зловещее звучание последнего слова заставило мальчика вздрогнуть. Но вслух он сказал:

– Подумаешь, что я кровь никогда не сдавал, что ли? Дайте мне нож, я сделаю надрез на мизинце. И перо с бумагой.

– Все это давно перед тобой.

Как и когда появился маленький столик со всеми принадлежностями, Жан не заметил. Победоносное любопытство подавляло не только логическое мышление, но и растущий страх. Он взял нож и уже готов был произвести маленький надрез на левом мизинце, как таинственный голос остановил его.

– Э, нет. Ты должен написать клятву не своей кровью.

– А чьей? – Жан почувствовал тысячу мурашек, пробежавших по его спине.

– Что-то не нравится мне все это. А может и впрямь вернуться? Но тогда я всю жизнь буду считать себя трусом. Может, сегодня мне дано узнать нечто такое, что перевернет мою жизнь, превратит ее из жалкого существования в настоящую сказку. Но есть же такие вещи, через которые нельзя переступать, несмотря ни на что! Я никогда убийцей не стану. Уж лучше вернуться, – сказал он твердо.

– Неужели, – вкрадчиво продолжал голос, в котором появились сладковато-липкие интонации, – ты думаешь о нашей стране так плохо? Это всего лишь формальности. Кого из живых тварей ты не любишь?

Кошку, собаку, курицу?

– Очень даже я их люблю – обиделся мальчик.

– Но кого ты все-таки любишь меньше, – не отставал голос.

– Пожалуй, крыс.

– Прекрасно, крыс так крыс.

На столе, откуда ни возмись, появилась спящая крыса.

– Смелее, мальчик, докажи, что ты – будущий мужчина. А может, в этом теле бьется девичье сердце? – провоцировал голос.

Все естество двенадцатилетнего мальчугана сопротивлялось бессмысленной жестокости. Что-то кричало в нем, пытаясь схватить за руку. Но у самого этого чего-то рук не было. Поэтому, как вы уже догадались, остановить мальчика ему не удалось. Закрыв глаза, мальчик, желающий вырасти сильным человеком, решительно взмахнул ножом.

Не успел он поставить точку на своей клятве, как началось будто светопреставление. Раздался невероятный грохот, в глазах Жана потемнело. Он чувствовал, как теряет сознание. Словно этот самый нож вонзился в его грудь. Что-то проделывали с его сердцем. Чьи-то невидимые руки ловко орудовали внутри него. Вдруг, хихикая, заплясала игла, кокетливо виляя задом. Внутри него раздавалось гулкое бух-ух, бух-ух... Вскоре все смолкло...

Жан открыл глаза, но, к своему удивлению, оказался в собственной квартире на собственной кровати. А над ним

белел их недавно побеленный потолок. Казалось, ничего особенного с ним не произошло. Мало ли, что может присниться. Но внутри все ныло. Он встал с кровати и почувствовал неестественную тяжесть в груди,

Черт его знает, что снится. Наверное, перед сном я начинался

страшных сказок, подумал Жан. Внутри него что-то хихикнуло, хотя он этого и не заметил.

В школу, конечно, идти он не собирался. Дерзкое желание возникло в его душе: а если позвонить директору школы и сказать, что не смогу прийти на занятия. Без тени сомнения он снял трубку и набрал номер.

Да, – слышался повелительный голос директора.

– С Вами говорит Жан Дюбуэ, – заговорил мальчик, поразившись стальной уверенности собственного голоса. – Вы меня поняли?

Да, – слышалось в трубке несколько мгновений спустя.

– Так вот, я сегодня в школу не приду. Надеюсь, Вам не нужны глупые объяснения и всякие там справки от жалких врачешек?

– Нет что Вы, господин Дюбуэ. Конечно, отдохните. Здоровье превыше всего.

Жан не узнавал голоса надменного директора, не терпящего никаких нарушений. «Теперь он у меня в кармане, – подумал он. – Ну, а плюгавенького учителя математики я сожру с потрохами».

Сознание собственного превосходства доставляло ему невероятную радость. Поражение директора было первым результатом его венчания с Властью, отпрыск которой уверенно сидел теперь в сердце бедного мальчика.

Шли годы. Жан Дюбуэ вырослел. По мере его физического роста росло и его могущество над людьми. Порой он и сам поражался магической мощи, которой он обладал. Довольно было одного, казалось, идущего с того света пристального взгляда Жана, и собеседник вставал на задние лапки, добровольно отдавая ему свою волю. Иногда Жан даже ощущал, как существо, сидящее в нем, лакомится волей того или иного человека, превращая его в бессловесную тварь, раба, продавшего свое достоинство.

А когда что-то внутри него все же пыталось восстать против такого жестокого уничтожения, перед ним сразу же вставал образ зарубленной крысы. Только размеры ее были огромны. Она, подобно сказочному монстру, возвышалась над ним и громко хохотала. Два огромных клыка были выпачканы в крови, которая капала прямо на Жана, заливая его с ног до головы. Это видение преследовало Жана все беспощаднее по мере его внешнего процветания и благополучия. Говорят, иногда его видели отмахивающимся на улице от невидимых мух, а то и вовсе бегущим со всех ног домой, с искаженным от ужаса лицом. Кто преследовал Жана, и как закончилась эта история, нам приходится лишь догадываться.

Необычная охота

Экосказка

В далекой стране, где солнце и море, купаясь друг в дружке, ласкают собой все живое, жил юноша с красивыми, но удивительно печальными глазами. Все вроде у него было: и молодость, и внешность, и богатство, но почему-то с некоторых пор никто не видел его смеющимся. Будто какая-то таинственная печаль навечно поселилась в его сердце.

Как-то раз в город приехала принцесса – первая красавица королевства. Молва о ее необыкновенной красоте быстро облетела все уголки страны, и юноши сходились ко дворцу, чтобы хоть раз взглянуть на нее. Все, но не наш герой, страдающий от никому не ведомого горя. Об этом, конечно, узнала прекрасная принцесса. Ее задело явное безразличие печального юноши, и она решила узнать, в чем дело.

Позвав к себе придворную колдунью, принцесса повелела: – Узнай, что творится с юношей. Почему он так странно себя ведет: гуляет лишь по вечерам, а днем целый день сидит в замке?

Старуха удалилась в свою комнату. Взяла чан, налила туда воды, бросила какое-то зелье и стала читать заклинание. Вода в чане закипела, зашипела. Вдруг поверхность ее разгладилась, и появилось изображение старого замка. Вы совер-

шенно правы – это был замок печального юноши. По его красивому лицу было видно, что его что-то мучило. Он, словно затравленный зверь, метался по комнате, резко останавливался, падал на диван или забивался в угол, закрывая лицо руками...

Пробило полночь. Парень успокоился, вышел из замка и направился в лес. Свернув с дороги, он стал пробираться сквозь густые заросли к неведомой колдунье цели. Чем дальше продвигался юноша, тем труднее старухе было его разглядеть. Наконец, изображение стало настолько нечетким, что колдунья, вздохнув, отошла от чана.

«Нет, моя госпожа, ничего не разглядеть», – сказала она принцессе. – Может здесь замешаны чары посильнее моих. Ясно лишь, что что-то неведомое каждую полночь влечет юношу в лес. И это очень мучает его».

Услышанное еще больше заинтриговало принцессу, и она решила, во что бы то ни стало выведать тайну загадочного незнакомца.

Переодевшись бродячей торговкой, принцесса направилась в старый замок. Долго стучалась она в дверь прежде, чем ей, наконец, открыли.

«О, Господи!» – воскликнула принцесса. Перед ней стоял весь истерзанный юноша с по-прежнему печальными оленьими глазами. Волосы его были взъерошены, лицо и руки разрисованы ссадинами и царапинами, рубашка и брюки разорваны в клочья. И лишь взгляд его был безразлич-

но-спокойным...

– Вам кого? – спросил парень.

– Я принесла Вам заморских товаров – начала, запинаясь, принцесса. – Не желаете ли посмотреть, господин?

– В том то и беда, что я уже давно ничего не желаю, – грустно, как бы говоря с собой, ответил юноша.

– А почему? – наивно спросила принцесса.

Парень лишь горько ухмыльнулся, оставаясь по-прежнему безжизненным.

– Вам еще что-нибудь нужно? – из вежливости спросил он, давая понять, что разговор закончен и уже собирался захлопнуть дверь...

– Да, – ответила осмелевшая принцесса, – Вы ранены. У меня есть различные снадобья. Разрешите, я Вам помогу.

– Мне ничего не нужно, – резко ответил юноша. – До свидания. И уже начал было запирать дверь, как совершенно неожиданно для себя принцесса крикнула:

– Тогда помогите мне, прошу Вас, я пропадаю. Меня преследуют, защитите, умоляю!

Парень подозрительно посмотрел на принцессу. Отворив дверь и, пропуская девушку в замок, он недоверчиво спросил:

– Кто же, извините, гонится за Вами?

– Колдун, – выпалила принцесса.

Юноша вздрогнул. Принцессе показалось, что ей удалось пробудить в нем хоть какие-то чувства, а может быть и про-

сто любопытство. Но парень, не спросив больше ничего, направился внутрь замка. Девушка последовала за ним.

– Кофе, чай? – неожиданно спросил юноша.

– Спасибо. Я не хочу, – смущенно ответила девушка.

– Отчего же? Извольте.

– Хорошо, если можно, немного чая.

Парень дернул за шнур, который висел у его кресла, и к удивлению принцессы в комнату вбежала очень забавная лохматая собачонка. На ее белоснежном теле красовались два черных пятна, а шикарные черные уши свисали почти до земли.

– Граци, два чая, – приказал юноша. Собачка тотчас же выбежала, на прощание кокетливо взмахнув пропеллероподобным хвостом. Не успела принцесса сообразить, что происходит, собачонка вбежала вновь, толкая перед собой красивую тележку. Столик был сервирован на двоих. Чай, восточные пряности, шоколад, изюм и т. д. Все это было расставлено с мастерством заправского официанта. Подкатив столик к парню, собачка лизнула его руку и, виляя хвостиком, так же стремительно выбежала из комнаты, как и появилась.

– Что это было? – спросила изумленная принцесса.

Мой единственный друг, – ответил юноша. – С тех пор, как... – вдруг он осекся и пристально посмотрел на девушку. – Итак, в чем, собственно говоря, проблема? – спросил он подчеркнуто холодно. – Чем могу быть полезным? Гово-

рите, ведь Вам скоро надо будет уйти.

– Как уйти? – воскликнула принцесса. – А я думала, что мне можно будет переночевать в Вашем замке.

– Нет. Это исключено.

Но моя жизнь в опасности. Злой колдун поклялся превратить меня в жалкую мартышку за то, что я отказалась выйти за него замуж.

– По-моему быть обезьяной это даже здорово.

– Вы шутите?! – возмутилась принцесса.

– Нисколько. Обезьяна, во всяком случае, естественна, и всегда искренна. Ей не приходится притворяться, что она торговка барахлом и лгать, что за ней кто-то там гонится.

Принцесса была застигнута врасплох. Она не знала, что и сказать. Только чувствовала, что покрывается пунцовой краской. Глаза ее непроизвольно широко расширились, а губки обиженно надулись.

Парень, ухмыльнувшись, отвернулся, дабы не видеть столь откровенного признания в совершенном.

– Ну как чай? – спросил он.

– Чу-чу-чу... залепетала принцесса.

– Вы спешите на паровоз? – съязвил парень.

Я хотела сказать, чай чудесный, – выпалила, наконец, потрясенная полным разоблачением принцесса.

– Что ж, я рад, что Вам понравилось. Тем более, что чай не простой, а заколдованный. Через некоторое время Вы превратитесь в очаровательную обезьянку, которая уже ни-

кого не станет обманывать. Потому, что я и есть тот самый колдун, которого Вы на свою голову придумали.

– А-А ... – вырвалось у принцессы. Из ее глаз медленно покатались слезы. Она встала с кресла и неуверенно направилась к выходу. Прибавляя шаг, она и не заметила, как уже бежала, что есть мочи, не чувствуя под собой ног. Не помня дороги, принцесса неожиданно быстро нашла выход, у которого ее ожидала уже знакомая ей собачонка.

– Пока, Принцесса! – сказала Граци на прощанье, дружелюбно виляя забавным хвостиком.

– Пока! – буркнула принцесса и вылетела из странного замка.

Пробежав еще немного, она вспомнила задорный тон собачки, ее человеческую речь. Да и юноша отнюдь не собирался ее догонять. Он лишь отвернулся и как-то неестественно затрясся. От страха принцесса подумала, что юноша превращается в страшное чудище. Но, немного успокоившись, она вдруг поняла, что он просто тихо смеялся, с трудом сдерживаясь от громкого хохота.

– Неужели он так ловко меня провел? – подумала принцесса. Да, но откуда тогда он узнал, что я принцесса. Может, он видел меня раньше? Или мое надменное лицо было красноречивее броского наряда торговки? Ну ладно, ты у меня еще увидишь! Я тебе устрою тартарары! Ты у меня сам обезьяной станешь!

Так рассуждала разгневанная принцесса, даже и, не пред-

полагая, что мысль имеет материальную силу и рано или поздно обязательно воплотится в жизнь. Она твердо была убеждена, что дурно нельзя лишь поступать. Ну, а думать каждый может, что хочет. Бедная принцесса не знала, что дурные мысли одних, почти всегда превращаются в конкретные поступки, как правило, других. Спрятавшись за деревом, она решила проследить за юношей, а затем уж отомстить за свое оскорбление.

Выбрав подходящее дерево, близ опушки, она с трудом вскарабкалась на него и заняла отличную наблюдательную позицию.

Теперь-то ты от меня никуда не денешься! – подумала она с явным удовольствием. Устроившись поудобней, она стала ждать. Ей были видны часы в замке, поэтому она ясно видела, что без четверти двенадцать двери замка отворились, и оттуда вышел наш герой. Он твердым шагом направлялся в лес. Принцессе было видно его изменившееся от напряжения лицо.

Пробираясь сквозь заросли, юноша шел все время прямо, держа курс на сказочную опушку, которая при лунном свете, казалась таинственно-зловещей. Подойдя к ее середине, парень остановился. Расставив широко ноги и скрестив руки за спиной, он вдруг громко крикнул: «Я готов!».

Принцесса чуть не упала с дерева от неожиданности, подумав, что парень ее увидел и обращается к ней. Она уже собиралась что-то ответить, но, грянувший неожиданно гром

и блеснувшая, словно турецкий ятаган, молния ошеломили ее.

– Готов? – вдруг раздался чей-то голос, напоминающий скорее громовой раскат.

– Да! – твердо ответил парень.

– Кем будешь сегодня?

– Мне все равно – буркнул парень.

– Выбирай! – потребовал голос.

– Обезьяной – неожиданно ответил юноша.

Принцессе вновь стало не по себе. Она вспомнила их разговор про обезьянку. Мороз пробежал по ее коже. Гром грянул во второй раз. Снова блеснула молния и девушка увидела, что на том месте, где стоял юноша, боязливо озираясь по сторонам маленькая мартышка. Раздался страшный рев, и из-за деревьев показался тигр, затем еще один, и еще, и еще... Словом, мартышку окружала стая тигров.

– Ну все, – подумала обезумевшая от страха принцесса. Мартышке, а значит, прекрасному юноше пришел конец. Страшные звери разорвут его на клочья. Но, как ни странно, тигры не собирались раздирать свою жертву. Один из них направился к дереву, и что-то стал искать в дупле. Его примеру последовали остальные тигры. И вот, уже вся стая стояла в одну шеренгу, целясь в жалкую мартышку из ружей. Да, в дупле дерева были спрятаны ружья!

Прогремел первый выстрел, мартышка бросилась бежать. Она запрыгнула на дерево и ловко перескакивала с одной

ветки на другую. Выстрелы раздавались один за другим, но мартышка ловко перепрыгивала с ветки на ветку. Вдруг она запрыгнула на дерево, на котором пряталась принцесса. Они чуть не стукнулись лбами. Ужас, горечь, досаду, негодование – все это прочла принцесса в немигающих глазах обезьянки, тотчас же перепрыгнувшей на другое дерево. Видимо, чтобы обезопасить принцессу.

Охота продолжалась до рассвета. С первыми лучами солнца выстрелы прекратились, и тигры исчезли также царственно, как и появились. Все происшедшее могло показаться страшным сном, если бы не тело парня, безжизненно лежащее на опушке.

Принцесса, убедившись, что кошмар позади, стала осторожно спускаться с дерева. Она подошла к изнеможенному парню и дотронулась до его щеки губами. Слезы катились из ее глаз, падая прямо на лицо юноши.

– Ну все, хватит, я уже и так чистый, – недовольно пробубнил парень. Принцессам вообще плакать вредно.

– Извините, я больше не буду, – послушно сказала принцесса, обрадовавшись, что он пришел в себя.

– Теперь Вы все знаете и можете меня уничтожить.

– Что Вы, что Вы! – быстро пролепетала принцесса. Со всем даже наоборот. Я хочу помочь Вам. Только не совсем понимаю, что происходит.

– Да, что тут понимать. Я сам во всем виноват, поэтому и терплю такое издевательство.

– От кого?

– От хозяина леса.

– А кто это такой? – спросила удивленно принцесса. И почему он так мучает Вас?

– О, – вздохнул юноша. – Когда-то я был принцем одного южного королевства. Я был молод, беспечен и сгорал от всепожирающей страсти, страсти к охоте. Я упивался самым процессом охоты. Азартно загоняя беспомощных зверей в западню, я хладнокровно их убивал. Откуда я мог знать, что звери такие же существа, как и люди, что у них есть душа, любовь, ненависть, дети, наконец. Нет, тогда я об этом и не думал. Я только охотился, поглощенный лишь своим состоянием – азартом. Тогда я даже и не задумывался о том, что в самом слове охота заложено эгоистическое содержание. «Мне охота...» Но в этом процессе моей охоты страдает мое окружение. Тогда мне не было до этого никакого дела. И вот однажды я загнал в западню тигра. Спешившись, я хотел вызвать зверя, на равный, как мне тогда казалось, поединок. Вдруг тигр заговорил:

– Ты считаешь, что это достойный мужчин бой?!

– Да, – ответил я изумленно.

– А не кажется ли тебе, что это гнусное убийство? – прорычал тигр. – Убийство не ради выживания, а просто ради удовольствия? Ведь ты вооружен!

– Но ты ловчее и сильнее. Значит, мы равны, когда я вооружен, – парировал я.

– Но ты же умнее! – проревел тигр. – Ты хочешь убить меня, хотя я не нападал на тебя. Просто тебе нравится убивать. Мне же лишь приходится это делать с целью выживания. Так кто же из нас зверь? Хочешь доказать, что ты силен и ловок, так участвуй в соревнованиях. Твори добро, если ты сильный. Помогай слабым, ведь в мире столько беспомощных, столько горя и зла. Так зачем же ты умножаешь их, разумный человек?!

– Но людей – то я не убиваю, – неуклюже попытался он хоть как-то защититься от уничтожающего укора зверя.

– Какая разница, кого ты убиваешь! Ты проливаешь кровь, отнимаешь родителей у детей и наоборот. Из-за чего? Из-за скуки! Жаждешь крови, да? Ты ее получишь! Каждую полночь ты будешь превращаться в какое-нибудь животное, а лесные звери будут охотниками. Они будут стрелять в тебя, как ты стрелял в них. Тебе надо будет продержаться до рассвета. И так в течение года, пока ты не поймешь, что надо делать. Иначе ты навечно превратишься в дикого кабана... Если тебе, конечно, удастся продержаться год.

С этими словами тигр бесследно исчез, словно испарился в воздухе. Но его слова до сих пор колоколом звучат в моих ушах. Видишь ли, прекрасная принцесса, через неделю срок истекает, а я так и не понял, что должен делать. Теперь ты понимаешь, почему я веду себя так странно?

– Да, дорогой принц. Я все поняла и думаю, что мы найдем выход. Ведь впереди целая неделя! Пойдем в замок. Утро

вечера мудренее. *Нет такого жребия, который нельзя было бы преодолеть добротой!*

Эти слова запали парню в душу, и он немного успокоился.

На следующее утро в королевстве принцессы огласили новый указ, запрещающий какую либо охоту вообще. По указу каждая семья должна была взять на себя обязательство выходить хотя бы одного больного детеныша. Кроме того, в королевстве началось строительство зоологической больницы, в которой зверям должно было обеспечиваться лечение. Было заложено строительство нескольких зданий-общежитий для зимовки животных. Ответственность за выполнение всех этих указов возлагалась на парня из старого замка.

Представляете, как обрадовалась собачка южного принца? Говорят, она стала его главным консультантом. Изнутри собачей жизни все-таки видней. Прошло несколько недель, парень с головой окунулся в работу и даже не заметил, что прошел установленный хозяином леса срок. Больше ни в кого он не превращался. И по сей день его дни проходят в вечной великой заботе о ближних и дальних, о слабых и не очень. Словом, о тех, кто нуждается в доброте и теплоте человеческого сочувствия.

А может, и нам с вами включиться в эту работу?

Маэстро

Ему было хорошо. Он сидел в кресле, наслаждаясь обво-
рожительной красотой звездного неба. Глаза его жадно вгля-
дывались в мигающую бесконечность. Какие только мысли
ни проносились в голове. Неужели люди столь ничтожно ма-
лы, что жизнь каждого человека, да и всех вместе взятых
представляет собой лишь краткий миг этой звездной феє-
рии?

Он закрыл уставшие глаза, продолжая думать о величе-
ственной красоте мироздания. Мерцающие огни приобре-
тали все более причудливые очертания. Сознание умчалось
куда-то вовнутрь, открывая, неизвестные доселе, удивитель-
ные просторы духовного универсума. Неожиданно перед его
взором предстали поочередно несколько человек с одним
и тем же приветствием: «Здравствуй маэстро! Это Я».

Маэстро не испугался, ведь психологически он давно был
готов к подобной встрече. Нуждаясь в помощи, он постоянно
спрашивал кого-то о собственной сущности. «Кто Я? Зачем
я здесь? Что я, собственно говоря, делаю на этой Земле? –
эти проклятые вопросы, подпитываемые осознанием своей
никчемности и не востребованности терзали его с яростью
бультерьера.

Ну, здравствуйте! – ответил он, ни сколь не удивившись.
Только давайте по одному. И, чур – представляться. Кто вы

и откуда?

– Не слишком ли много ты хочешь? – донеслось откуда-то издалека. Столько вопросов! Ты сам должен узнать нас, если созрел для беседы, если же нет, то мы подождем еще пару сотен лет.

– Нет! Прошу вас, останьтесь! Я узнал вас. Вы – это Я. Мои прошлые инкарнации, прошлые жизни. А может быть и моя сущность. Но только вот непонятно почему вы все разные? Сущность же у человека вроде бы одна?

– Ты в этом уверен? Во-первых, тебе придется привыкнуть к мысли, что необходимо будет отказаться от многих штампов, которыми тебя напичкало общество. Во-вторых, открой, наконец, свое сознание! Будь готов воспринять новую, пусть даже странную для тебя информацию.

– Я готов! – не раздумывая, ответил я.

Вдруг перед моим взором явился старец восточной наружности. Одет он был во что-то непонятное, все белое. Было видно, что нас разделяют не только тысячелетия... Он смотрел прямо перед собой, не мигая, словно не замечал меня, и говорил. Я с трудом разбирал его речь, пытаюсь переспросить, но он продолжал, не останавливаясь.

– Прежде всего, тебе надо научиться быть честным с самим собой. Ты должен признаться себе в собственных слабостях, ошибках, болезнях и даже смертях.

– Как в смертях? – вырвалось у меня. Разве я умирал?

– И не раз, – последовал ответ. Ты и сейчас мертв. Я при-

шел тебя оживить, по вашему «реанимировать». Разве у тебя не болит сердце, словно его душит в своих объятиях питон? Разве ты не просыпаешься по ночам от неизвестной тревоги, будто кто-то очень маленький и очень несчастный внутри тебя плачет, сдавленный каменными плитами обстоятельств, и просит о помощи. Ты же все откладываешь, хоть и понимаешь, что главное этого вопроса ничего в жизни нет. Чего ты ждешь, очередной смерти? Ты несчастен оттого, что постоянно предаешь себя, заставляешь замолчать свое «Я». Ты даже не смог уберечь свою собаку, маленького белого ангелочка с черными ушами.

– Это уж слишком жестоко с твоей стороны! Я ничего не мог сделать. Я как всегда ушел на работу и ничего не знал о случившемся. Я даже и не мог предположить...

– Ты мог задолго до трагедии сделать ей операцию и вернуть зрение!

– Но она могла не выдержать ее! Наркоз мог отнять у нее последние годы.

– А, может быть, и нет?

– Это-то меня и мучит. Во всяком случае, еще один шрам на моем сердце... Хватит! Я больше не хочу продолжать, мне не по себе...

– Вот видишь, ты не можешь выдержать правды! А это первое, с чего надо начинать!

Старец также внезапно исчез, как и появился.

Маэстро проснулся в своей постели весь мокрый от пота.

«Господи, что это было? Неужели просто сон? Или незаметно подкрадывается лихая подруга одиноких гениев – шизофрения? Как говорится: тихо сам с собою я веду беседу. Ведь приятно поболтать с умным человеком».

Он прогнал прочь эти мысли, резко встал и, насвистывая веселую мелодию, энергично принялся делать утреннюю зарядку. «Если Вы в своей квартире, сядьте на пол три-четыре» – пел он демонстративно беспечно. Вдруг его взгляд машинально скользнул по зеркалу. Обычно он следил за исполнением упражнений, дабы убедиться в его правильности. Улыбка мгновенно улетучилась: из зеркала на него смотрел тот самый старик.

– Привет, маэстро! Упражняешься? – с усмешкой спросил он. Это хорошо, но не забывай и о душе. После физических упражнений, приголубь свое «Я». Оно так истосковалось по вниманию!

– Ты что, преследуешь меня? – нарочито сердито спросил маэстро, стараясь не показать свою встревоженность.

Старик лишь едко ухмыльнулся и снова исчез.

Весь день маэстро ходил сам не свой. Он ждал новой встречи со стариком. Но тот упорно не появлялся. Вечером, после очередного, по-прежнему, пустого дня, маэстро сел на коврик и попытался медитировать. Правда, у него ничего не получалось. Плюнув, он вышел на балкон и, не мигая, уставился вдаль. Мысли его путались, и все так же тревожно было на душе.

– Ничего, самое страшное уже позади! – услышал он знакомый до боли голос. Маэстро оглянулся, но никого не увидел. – Если я тебя раздражаю, могу и не появляться. Все равно ты видишь не меня, а то, что ожидаешь увидеть. Главное, что теперь мы вдвоем. Это – уже неплохо.

– Ты хочешь сказать, что всегда будешь рядом?

– Вот именно!

– А я, случайно, не сошел с ума?

– Пока нет, но вполне мог бы.

– Давай сменим тему.

– Давай!

– И как же мне дальше жить?

– Не знаю. Живи, как хочешь.

– Ничего себе внутренний голос! Гуру липовый! Что значит: живи, как хочешь?! Я не знаю, как жить!

– Но ты же знаешь, как ты хотел бы жить?

– Да, это я знаю.

– Ну и живи так!

– Я так не могу!

– Почему?

– Слишком много обязательств! Я должен жить не так, как я хочу, а так как должен. Если все будут делать, что хотят, представляю, что получится.

– Вот видишь, ты боишься жить, ты боишься хотеть. А между тем, желание не всегда аморально.

– Но если твое желание может навредить другому – оно

аморально!

– А почему именно навредить, желание может быть и вполне нейтральным. Например, выпить стакан холодного сока.

– Наверное, ты прав.

– Так вот, начни с того, что разреши себе желать. Ты слишком зажат!

– Возможно. Но, чего желать? Я боюсь разрушить свою жизнь.

На этот раз ответа не последовало. Гуру вновь удалился так же внезапно, как и появился. Еще долго маэстро тщетно пытался задавать вопросы. Он понимал, что ему предлагают самостоятельно решить, как ему жить дальше. Он также понимал, что никто кроме него не в состоянии помочь ему в этом вопросе. Надо было самому сделать свой выбор, ведь это – его собственная личная жизнь. А личность и есть собственный выбор. Он вспомнил Сократа: «Чужого не бери!» Но как узнать, что твое, а что чужое? Где грань, разделяющая «Я» от «не-Я»? Ему казалось, что его «Я» размыто, размазано по всей Вселенной. Он где-то читал, что это даже хорошо, так как такое растворение является следствием высокого духовного развития, когда личность раскрывает границы собственного «Я», расширяя их до беспредельности. «Я» личности сливается с Атманом, сказали бы индийцы. Но почему-то от этого ему легче не становилось. Может быть потому, что такому расширению личности должна предше-

становать ее самоидентификация, то есть вначале необходимо познать самого себя, ядро своей личности, свою сущность. Он вспомнил, что личность и сущность человека – не одно и то же. Личность – результат индивидуальной социальной жизни человека, в то время как сущность вневременна, она не зависит от конкретной биографии человека, так как дается ему свыше, вместе с рождением.

– Знаю ли я свою сущность? – подумал он и поймал себя на мысли, что и личности-то своей не знает. – Ничего себе дела, а еще очки надел! – пытался шутить он. Ну, ладно, если я – полный нуль, то и надо начинать с нуля, – решил он. Каждый вечер он стал медитировать, день ото дня, отключая свое сознание, стирая приобретенную социальную информацию. Пока это ему плохо удавалось. Он то и дело вспоминал эпизоды из своей жизни...

Вот он пишет мелом на железном сундуке корявые буквы. Ему пять лет, отец пытается научить его письму. На неудобном железном сундуке ничего не видно, плохой мел почти не оставляет следов, отец страшно недоволен старательно выводимыми сыном каракулями, а сын страшно недоволен собой, сундуком, мелом, да и вообще алфавитом, коварно подсовывающим ему такие каверзные закорючки. – Да, как это я еще не стал двоечником! – пролетело у него в голове...

Вдруг его взору открылся непроходимый лес. Ему три года, старшему брату – семь. Они пробираются по тропинке. Брат, показывая на кости, лежащие с краю, начинает рас-

сказывать страшные истории о людоедах: «Вот видишь, они едят людей, а кости складывают у дороги!» Маэстро вспомнил ужас, охвативший его тогда. Это уже потом он узнал, что кости те были вовсе не людские, а совсем наоборот. Люди съели животное. И вообще, люди они все и вся едят. Даже странно как-то. Такие маленькие, а такие прожорливые. Это, наверное, потому, что шибко умные, – подумал он. Потом брат еще долго рассказывал небылицы о том, как его оставили в лесу, как на него напали волки, как он залез на дерево и просидел там всю ночь под аккомпанемент страшных лесных звуков. Но он уже не боялся потому, что в свои три года уже понял, что все это – сказки. И в жизни есть мало чего достойного страха. Люди все придумывают для того, чтобы бояться. У них есть потребность в страхе. Это как потребность в сладком и соленном. Люди любят страх. Сначала придумают предмет, потом привяжутся к нему, а потом и страдают от того, что без него уже не могут. «*Its my life*» – пронеслось у него в голове. – Комедия!

Постепенно ему стало нравиться медитировать. Это не только спасало его от щемящего чувства одиночества, но и выполняло психотерапевтическую функцию. Медитация превратилась для него в форму сотворчества с неизвестным миром. Он подолгу беседовал с вымышленными персонажами, с героями его детства, с представителями прошлого и будущего. Спрашивал их о волнующих его проблемах, и ему становилось лучше. Он чувствовал, как избавляется

от какого-то осадка в душе, мешавшего ему жить. Он становился спокойнее, увереннее в себе, постепенно приобретая почву под ногами. Кажется, он стал побеждать и чувство всепоглощающего одиночества.

Однажды ему приснился странный сон. Маэстро увидел себя в облике огромного змея. Его голова, почему-то покрытая диковинной чалмой, принадлежала туловищу бесконечно извивающегося питона. Он все понимал, мыслил, говорил, но ничего не мог сделать. Ведь у него не было человеческого тела!

Проснувшись, маэстро понял, что увиденное было предупреждением о том, что он может потерять возможность работать. Что-то ему может помешать самореализоваться, то ли болезнь, то ли еще что-то. Ясно было лишь одно – надо спешить! Время, отпущенное человеку не бесконечно, всего несколько лет. У него, как он понимал, оставалось два-три года. Это значит, что каждый день он должен был выдавать результат. Иначе, умрет его бесценное «Я». А, может и не умрет, а просто, обидевшись, уйдет от него. Как женщина уходит от любящего ее мужчины лишь потому, что он не говорит ей ласковых слов, а тот, другой, вовсе и не любит ее, но зато часто-часто называет королевой. Никогда не понимал этой женской психологии! Но в случае с «Я» дело обстоит несколько иначе. Человек получает его в определенном состоянии, то есть на конкретной стадии его развития. Он должен создать условия для дальнейшего совершенство-

вания «Я». То есть человеку необходима творческая и духовная работа по развитию «Я» для того, чтобы передать его по ступеням эволюции. Ведь, кроме природной биологической эволюции, существует и духовная, которая без активности человека не осуществляется. В этом и заключается одна из тайн человека, тайна его смерти и рождения.

Маэстро остался доволен результатом медитации. Наконец-то ему удалось сформулировать то, что так долго вертелось в его сознании. Он понял, что ему не хватает творчества, хотя пока и не знал, в какой форме оно будет осуществляться. Ночью, то ли во сне, то ли в полудреме он услышал странное шипение. Вглядевшись, он увидел того самого змея с его собственной головой, говорящей на языке змей. Он хотел, было сказать, что ничего не понимает, как вдруг обнаружил, что разбирает смысл послания. «Каждую ночь, – шипела змея, – ты будешь видеть сон, который в аллегорической форме передаст информацию, необходимую тебе для самопонимания. Только смотри и слушай внимательно!..

Сон

Он блуждал по ночному лесу, наполненному таинственными звуками, то и дело вздрагивая от неожиданного взлета невиданных доселе птиц. Бредя неизвестно куда и зачем, он инстинктивно продвигался сквозь заросли экзотических растений, как будто ведомый непонятной силой. Вдруг ему показалось, что кто-то жалобно стонет. Стон напоминал голос младенца, зовущего на помощь маму. Продвигаясь все дальше и дальше вглубь леса, он, казалось, не приближался и не отдалялся от зывающего к помощи. Не успев удивиться абсурдности ситуации, он вдруг ощутил, что земля под ногами провалилась, и он с невероятной скоростью падает. Больно ударившись обо что-то твердое, он издал стон, но, как ни странно, чужим ему голосом.

– О, как мне больно! Как больно!

– Кто это? – спросил он.

– О! О! О! – доносилось в ответ.

Ничего не понимая, он стал оглядываться, пытаясь разобраться где находится. Постепенно привыкнув к темноте, он обнаружил, что висит в безвоздушном пространстве за стеклянной комнатой, стены которой были так хитро устроены, что внутри они были из зеркала, а снаружи из прозрачного стекла. То есть, находясь внутри комнаты, ничего невозможно было увидеть, кроме своего отражения и того, что нахо-

дится внутри нее. А для того, кто был вне комнаты, все происходящее в комнате было видно, как на ладони.

— Как же меня угораздило оказаться за пределами комнаты? — пронеслось у него в голове. Неужто я помер? Тогда я ничего бы не понимал, не мог даже думать. А сейчас, вроде бы, соображаю, или, во всяком случае, пытаюсь. Значит, я не совсем умер...

Вдруг перед ним, как на театральной сцене, началось действие. Какие-то бурные трансформации, смена цветовых и звуковых гамм. Неожиданно отчетливо зазвучала музыка небесной красоты! И на сцену хлынул лазурный свет! О, как ему стало хорошо! Никогда раньше он не испытывал подобного чувства! Все его существо пело и, похоже, светилось этим божественным светом. Но Свет находился все еще внутри комнаты и, отражаясь от множеств зеркал, стал постепенно оживать... Ему казалось, что свет исполняет огненный танец тореадора, страстно фехтуя с самим собой.

Лучи света дробились, соединялись и снова дробились, изменяя свой цвет. Вдруг он увидел рождение из света живого существа. Оно тоже извиваясь, дробилось, соединялось и снова дробилось, рождая все более причудливые формы. В комнате появился человек, продолжая осуществлять те же неизвестные манипуляции. Внутри комнаты образовался пузырь, словно экран, проецирующий чьи-то видения. На экране мелькали пейзажи, люди, города, незнакомые ему лица. Менялись события, страны и эпохи, но удивительное чув-

ство единой связи не покидало его, словно все это невероятное множество было проявлением и видоизменением Единого. К тому же все лица, мелькавшие в комнате, удивительным образом были похожи.

– Постой, – пронеслось у него в голове, а не я ли это превращаюсь во все и вся?

Однако, что-то настораживало в этом человеке за стеклом. Что-то не совсем нормальное, не земное что ли. Наконец, он понял, что смущало его в незнакомце. Тело его было многослойным. Причем слои были прозрачными, то появлялись, то исчезали, словно пульсировали. Более того, они меняли цвет, переливаясь подобно радуге. Сначала они были бесцветными, затем вспыхивал то один цвет, то другой во всех слоях одновременно. Периодически разные слои начинали светиться разными цветами.

– Что за чертовщина?! – подумал он. Неужели все это мне мерещится?

Не успел он это подумать, как человек за стеклом резко повернулся и стал смотреть прямо ему в глаза.

– Что испугался? – насмешливо спросил он. Смотри и мо-тай себе на ус!

Далее все происходило в абсолютной тишине. Он понял, что кто-то показывает картину многовековой эволюции, того, чего никто не видел. Того, о чем гадают миллионы ученых, и никто не имеет никаких доказательств в пользу своих гипотез. Беда была лишь в том, что он не совсем понимал

логику этих таинственных превращений. Незаметно для себя, он начал мыслить вслух.

– Если все сущее представляет собой забавный танец Света, то, как же все-таки произошел человек? Вдруг словно ответ на его вопрос зазвучала музыка. Линии образов стали мягче, а танец – плавнее. Даже изображение образов теперь выглядело иным, не просто объемным, а каким-то многомерным. Ему открылось, что люди не могут понять многих вещей и процессов, так как мыслят одномерно. Линейной причинно-следственной связью. Но в действительности может существовать также многомерная причинно-следственная связь. Для того, чтобы это понять необходимо иметь возможность находиться одновременно в нескольких метриках. И это возможно, правда, только для разума. В материальном мире, в мире экспериментов и опытов, то есть в мире науки такое невозможно. Причем, многомерно не только Пространство, но и Время. Величайшее заблуждение человечества считать Время однонаправленным. Видимо, наука никогда не раскроет секретов многомерных явлений.

– Никогда не говори «Никогда!» – прогремело в его мозгу. Он уже не мог отличить, где говорит он сам, а где человек за стеклом. Постепенно ему стало казаться, что тот за стеклом и есть он сам, а он сам, то есть тот, который висел в пространстве, была его душа.

– Но как такое возможно, чтобы душа при жизни человека могла отделиться от тела?

– Ха-ха-ха! – Услышал он. – Она в большей части жизни человека и пребывает вне тела.

Он мало что понимал и решил пока не задавать вопросы и подождать, что ему покажут дальше. Не успел он так подумать, как все видения прекратились, как будто экран выключили. За стеклом погас свет.

– Не понял – подумал он. Как же все-таки появился человек на Земле?

Опять появился свет. Зазвучала музыка. И ему стали показывать картину эволюции вновь. Он понял, что теперь будут отвечать лишь на поставленные им вопросы. Мысли в его голове путались, словно он боялся четко сформулировать вопрос, точнее боялся получить ответ. Он понимал, что, прежде всего, ему необходимо узнать о собственной судьбе, кто он такой, откуда и куда идет. Будто кто-то, прочитав его мысли, стал показывать за стеклом картину рождения чего-то непонятного извилистого, напоминающего форму не то Земли, не то ореха. Его осенило – это был его собственный мозг, каждая из извилин которого являлась отдельной жизнью со своей биографией.

– Значит, – подумал он, – чем больше человек прожил жизнью, тем больше у него извилин? Но тогда от чего зависит его чувственно-эмоциональная сфера? – От того, сколько человек любил! – осенило его.

– Имеется в виду женщин?

– Нет, – последовал ответ. Любил вообще, людей, живот-

ных, природу...

– Интересно! – подумал он. – А какую роль в этой связи играет любовь между мужчиной и женщиной.

– Всякая любовь к единичному является средством рождения любви к всеобщему, то есть к всему существующему.

– Ничего себе! А зачем она вообще нужна любовь к всеобщему?

– Так завершается цикл. Любовь возвращается к себе самой. Проистекая от Абсолюта, как положительная все-созидающая энергия, она, пройдя через мир, все единичное, освещает и одухотворяет его и, породив свет в душе конкретно-сущего, зажигает Любовью, освещая его изнутри. В этом – один из сакральных смыслов Христианства.

– Спасибо! Мне надо это осмыслить. – Не успел я это вымолвить, как что-то гроыхнуло у меня над головой и, вздрогнув, я проснулся. Надо же опять на самом интересном месте... Вот так всегда!

Одинокий клоун

Вы можете сказать, что такое одиночество?

Наверное, это когда рядом нет человека, которому ты нужен. Вокруг может быть много людей, живущих своими проблемами, тебе может быть даже весело, но ты чувствуешь себя ужасно одиноким. Вот говорят, что одинокими могут чувствовать себя лишь эгоисты. Вряд ли это так, ведь эгоист – это не тот, кто никого не любит, а тот, кто плюет на чужие чувства, переживания, все видит в собственной интерпретации, даже не задумываясь, что другой человек тоже имеет право на собственное духовное пространство.

Человек может любить многих людей, которые в настоящее время находятся далеко от него, а окружать его могут люди его не любящие, не понимающие и не хотящие понять. Более того, порой ненавидящие, часто обманывающие и иногда предающие. Как можно бесконечно верить и любить тех, кто тебя ненавидит, обманывает и предает?!

Одиноким может быть также человек, который не может открыться никому из-за боязни сделать людям больно. Или не желающий выглядеть слабым и несчастным. Такие люди демонстрируют прилюдно, что у них все хорошо. Они часто веселы и веселят других, чтоб никто не мог догадаться, как тяжело у них на душе. Не потому ли лю-

ди идут в клоуны? Почему им нужен чужой смех? Чтобы убежать от собственного трагического одиночества? Или, чтобы чувствовать себя хотя бы немножечко кому-нибудь нужным?..

В нашем дворе жил клоун. Он был таким смешным, что окружающие не могли говорить с ним серьезно. Все сразу же начинали хохотать. Причем, смеялись до слез. Его звали Смех. С его появлением небо сразу становилось светлей, казалось, тучи и те, хохоча, лопаются и тают. Смех появлялся неожиданно, когда людям становилось не по себе и, так же незаметно, исчезал, когда они плакали, но уже от смеха. Странно, однако, то, что он всегда был один. Никто никогда не видел его с другом или с женой, например. Говорят, однажды один мальчик, которому было очень и очень грустно, не дождавшись Смеха, пошел к нему домой. Смех жил на окраине городка в домике, построенном на дереве. Еще одно чудачество странного человека.

Когда мальчик, вскарабкавшись по дереву, вошел в дом, он увидел там лишь маленького щеночка, кокера-спаниеля, который сладко спал, свернувшись калачиком. Жилище Смеха было обычной комнатой непрехотливого холостяка. Диван, письменный стол, коврик и повсюду книги. На письменном столе стояло не совсем обычное зеркало, похожее на чье-то лицо. Мальчику даже показалось, что это лицо он уже где-то видел. Он посмотрел в зеркало, но, как ни стран-

но, своего отражения он там не увидел. Он еще внимательнее всмотрелся в зеркало и увидел там взрослого, очень печального человека. «Вы кто?» – испугавшись, спросил мальчик. Но отражение лишь, ухмыльнувшись, пожало плечами. Мальчик вдруг увидел в зеркале спящего Смеха. Он обернулся, но кроме забавной собачонки в комнате никого не было.

Мальчик подумал, что это какое-то странное зеркало. И пока ничего страшного с ним не произошло надо скорее уходить. Но что-то держало его в необычной комнате. Он вроде бы чувствовал, что кому-то он здесь нужен. Он уже и забыл, что сам пришел к Смеху за помощью. Но Смеха все не было. Мальчик уже повернулся, чтобы скорее покинуть комнату, как вдруг раздался чей-то голос.

– Не уходи! – Он вздрогнул, огляделся вокруг, но по-прежнему никого не видел.

– Прошу тебя, помоги мне! – послышался тот же голос.

– Да кто же здесь? – спросил мальчик.

– Я – Смех, – последовал ответ.

Вдруг мальчик взглянул на спаниеля, и его охватил ужас. С ним разговаривала именно собака. Мальчик пустился, было бежать, но голос вновь попросил:

– Не бойся! Посмотри в зеркало! – Мальчик посмотрел в зеркало и увидел, что на него смотрел Смех, и именно он разговаривал с ним.

– Я тебе сейчас все объясню, только сначала успокойся!

Налей себе воды из кувшина и выпей.

Мальчик так и сделал и, вроде бы, немного успокоился, хотя до спокойствия было, прямо скажем, еще далеко.

– Меня заколдовали – продолжал Смех. Злая колдунья отомстила мне за то, что я отверг ее дочку. Теперь мне суждено всю жизнь ходить в облике собаки. Только раз в неделю я вновь становлюсь человеком и, если я в течение этого дня смогу найти средство против колдовства, я смогу снова стать собой.

– Ты знаешь, что для этого нужно сделать? – с надеждой спросил мальчик.

– Да, – грустно ответил Смех. Кто-то должен подарить мне тридцать лет своей жизни!

– А если ты не найдешь такого человека? – неуверенно спросил мальчик.

– Тогда через год я умру, – спокойно ответил Смех.

Мальчик внезапно понял, что из зеркала тогда на него смотрел он сам, но уже сорокадвухлетний. Ему очень не хотелось лишаться детства, юношества, молодости. Он ведь еще не успел пожить, наиграться, пошалить, как следует. Вдруг он пожалел, что и не хулиганил толком. Всегда старался выполнять требования взрослых, боялся кого-нибудь обидеть. А сейчас он должен почти незнакомому человеку подарить тридцать лет своей жизни. «Да это же практически вся моя жизнь!», – пронеслось у него в голове. «Но если не я – то кто?» – возник ниоткуда вопрос. «Даже, через тридцать

лет, у меня останется, по крайней мере, еще пара десятков лет, а если другой человек так и не найдется – Смех умрет через год. Вряд ли ему удастся найти человека, у которого в запасе так много лет, как у меня. А как мы все будем жить без Смеха? Ведь он продлевает жизнь многим людям, бескорыстно веселя их.

– Я согласен, – тихо сказал мальчик вслух.

– Что? – не поверил своим ушам Смех.

– Я согласен отдать тридцать лет своей жизни тебе, – теперь уже громко произнес мальчик.

– Ты понимаешь, что ты говоришь?! – выпалил Смех. Я не могу воспользоваться твоим великодушием! К тому же ты – несовершеннолетний и пока не имеешь права распоряжаться своей жизнью!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.